

Вступительная статья Валентина Дьяконова к Инстаграм-книге @ilmira.bolotyau. – Москва, 2019

С точки зрения политэкономии, хотеть стать художником — это совсем не то же самое, что быть художником. Быть художником — это энергозатратная и дорогостоящая автономия. Хотеть стать художником — это проекция негатива тотальной личной несвободы. И проект по возвращению тела (тело целиком, вместе с мозгом и центральной нервной системой) из долговой кабалы. Пять дней в неделю (если повезло) или семь (если как обычно) мы сдаем тела в наем работе. Это ни *vita activa*, ни *vita contemplativa* в терминах Петрарки и Ханны Арендт, потому что мы не придворные, а дворовые люди. Есть множество техник возвращения тела из бессрочной аренды работодателем: спорт (не имеющий цели повысить товарную стоимость тела), рыбалка, охота, грибы-ягоды, готовка (все четыре — не ради пропитания), чтение, занятия искусством, фотосессии с собой в главной роли у профессиональных фотографов, наркомания, пьянство, дача и так далее. Все эти техники чреваты качественным переходом в разряд основной деятельности, если в ходе занятий достигается высокий уровень мастерства. Мастерство и талант, вышедшие на сколько-нибудь серьезные производственные мощности, трансформируются в экономический императив и оборачиваются новой кабалой. Искусство обладает особой привлекательностью по двум причинам: 1) как занятие оно пластично и адаптируемо к любым другим техникам возвращения тела в качестве символизирующей деятельности по реапроприации опыта, 2) из-за несущественных объемов арт-рынка оно редко подпадает под экономический императив.

На техниках возвращения тела паразитирует индустрия досуга и разные формы терапии — йога, осознанность, поток, тайм-менеджмент, «авторская позиция» и тому подобное. Все возможно, говорят коммерческие терапевты, если мы научимся «совмещать». Вы вернете тело, и оно будет качественнее работать. Но из рекреационных техник возвращения тела, если они по-настоящему эффективны, помимо практической пользы следует и неумолимый вывод: работать нельзя. Любая работа полностью противоречит желаниям возвращенного тела. Через страдание возвращенное тело сохраняет память о тюрьме арендатора. Страдание на отдыхе адаптирует нас к возвращению на работу. Так в разнообразные духовные и телесные практики постепенно

инкрустируется страдание: пьянство до тяжелого похмелья / потери кошелька и телефона; йога до растяжения мышц; рыбалка с тучей комаров; искусство в поисках продаж, то есть базовой формы одобрения, популярности и успеха — самой утонченной разновидности парализующей фрустрации.

«Очерк о даре» Марселя Мосса (1925) и «Теория девушки» коллектива «Тиккун» (2000) фланкируют эпоху исчезновения дарения как ритуала из жизни западных и колониальных городов. «Само слово “интерес” — позднего, технического и бухгалтерского происхождения; оно происходит от латинского *interest*, которое писали в счетных книгах напротив ожидаемых доходов. В древних этических системах даже самого эпикурейского толка на первом месте всегда стоит стремление к благу и удовольствию, а не к материальной выгоде», — констатирует Мосс. О межвоенной Европе Мосс пишет: «Очень долго человек был иным, и лишь совсем с недавних пор он начинает становиться машиной, усложненной счетной машиной». «Тиккун» тоже объясняет девальвацию дара через «интерес»: «В мире рыночного разоблачения подарок предстает либо как абсурдная слабость, либо как часть потока других обменов, управляемого “расчетом бескорыстия”. Человек должен иметь близость лишь со своими интересами, до той степени, пока они еще не предстают перед ним разоблаченными, пока еще ложь и симуляции сохраняют правдоподобие. Потому воцаряется параноидальная подозрительность о подлинных намерениях и мотивациях других; подарки являются столь подозрительными, что в дальнейшем придется *платить за право дарить*». Дар не благотворительность: у последней есть функция вовне, первый исходит из возможностей индивида, дар центробежен, благотворительность центростремительна. Исчезновение дара — свидетельство глобализации (слишком много валют надо пересчитывать по гибкому курсу) и социального детерминизма (управление невозможно без переписи населения). И правые, и левые силы исходят из того, что идентичность исчислима, и даже травму можно монетизировать или, как минимум, перевести в социальный капитал. Ощущение жизни как привилегии и уж тем более наследственных и биополитических привилегий теряется в бесконечном тетрисе логистики самовыражения, понятого как безотходное производство эмоций. Дар очерчивал контуры Другого, но его-то как раз и нет больше: растворился в сетке категорий. Все это в той или иной степени соответствует насущным задачам социальной связности в перенаселенных городах, но совершенно обесценивает успех. Он лишен

случайности и больше не переводится в дар, оставаясь лишь стадией — его, как и денег, много не бывает.

По аналогии с экспериментом на двух щелях можно предположить существование альтернативного модуса социальных акторов, где благотворительность ведет себя как дар, а возвращенные тела остаются в свободном состоянии. Стоит признать, однако, что эта реальность не фиксируется записывающими устройствами и протекает вне сферы наблюдения автоматически заинтересованных (biased) индивидов. В сфере общественных отношений, опосредованных медиа распространяется эпидемия синдрома самозванца. Страдая и на работе, и на отдыхе, маскируя страдание онлайн и офлайн ради доступа к новым разработкам в области социального камуфляжа, индивид начинает сомневаться в аутентичности любых видов саморепрезентации. Особой привлекательностью для жертв эпидемии обладают лидеры, лишенные стигмы самозванца, — Дональд Трамп, Борис Джонсон и другие популисты 2.0, маркирующие своим дрейфом прочь от фактов пространство пост-правды.

Пост-правда обеспечивает контекст и контрапункт симулятивного эксперимента Ильмиры Болотян в инстаграм-аккаунте @ilmira.bolotyau. Ильмира превращает личные инвестиции в строительство возвращенного тела и успешной идентичности в доску для серфинга на волнах пост-правды. Аккаунт [ilmira.bolotyau](#) — это рекурсивная матрешка, вмещающая максимум идентичностей, каждая со встроенным синдромом самозванца. В ход идет все — художница Ильмира Болотян, феминистка Ильмира Болотян, спортсменка Ильмира Болотян, мотивационный тренер Ильмира Болотян, тролль Ильмира Болотян или Ильмира Болотян — модель 35+. Вопрос о том, какая из этих ролей является рамочным вместилищем смысла, остается подчеркнуто открытым и, в описанном горизонте человечества как перфокарты и компьютера одновременно, фундаментально не важным. Отзывы и комментарии свидетелей развертывания проекта свидетельствуют о том, что мы сами готовы справляться с подачей персонализированного смысла — даже если раскрыть иным наблюдателям все техники и стратегии создания аккаунта [ilmira.bolotyau](#), они все равно продолжают считать его автора сумасшедшей или карьеристкой. Так достигается эффект медийного бермудского треугольника, в котором исчезает представление об изначально аутентичном документе. Станет ли таким

документом целиком проданный в частную коллекцию аккаунт [ilmira.bolotyau](#)?
Вернет ли Ильмира себе хоть одно из скрытых в матрешке тел? [Subscribe to follow!](#)

Эксперт Валентин Дьяконов